

Введение

Рынок и мораль

Конечно, в мире все еще есть вещи, которые нельзя купить за деньги, но в наши дни их осталось не так уж много. Сегодня на продажу идет почти все. Вот несколько живых примеров:

- *Тюремная камера с удобствами: 82 долл. за ночь. В тюрьме города Санта-Ана в Калифорнии, а также некоторых других городов заключенные, отбывающие срок за ненасильственные преступления, могут заплатить за более комфортное размещение — в чистой тихой тюремной камере, подальше от «некоммерческих» заключенных¹.*
- *Возможность движения в одиночку по дорожной полосе, выделенной для транспорта, едущего с пассажирами: 8 долл. в час пик. В Миннеаполисе и других городах пытаются бороться с дорожными пробками, позволяя водителям, едущим в одиночку, пользоваться за определенную плату выделенными дорожными полосами, размер платы варьируется в зависимости от интенсивности трафика².*
- *Услуги индийской суррогатной матери по вынашиванию плода: 6250 долл. Супружеские пары из западных стран заказывают данную услугу в Индии, где такая практика является законной, а ее стоимость составляет менее трети от ставки, принятой в Соединенных Штатах³.*
- *Право иммигрировать в США: 500 000 долл. Иностранцы инвестируют в экономику США 500 000 долл. и создают не менее десяти рабочих мест в регионе с высоким*

уровнем безработицы, могут получить «грин-карту», дающую им право на постоянное проживание в стране⁴.

- *Право на отстрел находящихся под угрозой исчезновения черных носорогов: 150 000 долл.* В Южной Африке владельцы ранчо получили право продавать охотникам лицензии на убийство носорогов, относящихся к исчезающему виду, что, по мнению местных властей, стимулирует скотоводов к разведению и защите данного вида животных⁵.
- *Номер мобильного телефона вашего врача: 1500 долл. и более в год.* Все большее число врачей предлагает своего рода «консьерж-услуги» по предоставлению консультационной медицинской помощи в любое время дня и ночи тем пациентам, которые готовы платить за это ежегодно от 1500 до 25 000 долл.⁶
- *Право на выброс в атмосферу тонны углекислого газа: 13 евро (около 18 долл.).* Европейский союз организует рынок выбросов углекислого газа, позволяющий промышленным компаниям покупать и продавать права на загрязнение воздуха⁷.
- *Поступление вашего ребенка в престижный университет.* Хотя цена данной услуги не называется, представители некоторых ведущих университетов поведали The Wall Street Journal, что их учебные заведения принимают на учебу некоторых не слишком способных студентов, чьи родители достаточно богаты и имеют желание сделать существенные финансовые пожертвования в университетский фонд⁸.

Далеко не каждый может позволить себе описанные выше приобретения. Зато сегодня появилось много новых доступных способов заработка. Если вы имеете желание подзаработать, то вот вам несколько вариантов на выбор:

- *Сдать в аренду место на лбу (или на другой части вашего тела) под размещение коммерческой рекламы: 777 долл.* Авиакомпания Air New Zealand наняла тридцать человек, которые согласились обрить головы и носить на них временные татуировки со слоганом: «Жаждете новых впечатлений? Слетайте в Новую Зеландию»⁹.

- *Поработать в качестве «подопытного кролика» на фармацевтические компании, испытывающие на добровольцах новые лекарственные средства: 7500 долл. Величина заработка может варьироваться в зависимости от инвазивности процедуры тестирования препарата и степени вызываемого им дискомфорта¹⁰.*
- *Служба в рядах частных военизированных организаций в горячих точках, например в Сомали или Афганистане: от 250 долл. в месяц до 1000 долл. в день. Размер оплаты варьируется в зависимости от уровня военной подготовки, опыта и национальности претендента¹¹.*
- *Провести ночь в очереди на Капитолийском холме, карауля место для лоббиста, который хочет принять участие в слушаниях Конгресса: 15–20 долл. в час. За этой услугой лоббисты обращаются в специализированные компании, которые нанимают в качестве «очередников» бомжей и прочих нуждающихся в деньгах граждан¹².*
- *Если вы плохо успевающий учащийся одного из начальных классов школы в Далласе, вы можете прочесть книгу: 2 долл. Для повышения мотивации школы платят детям такую сумму за каждую прочитанную ими книгу¹³.*
- *Если вы страдаете ожирением, то можете сбросить четырнадцать фунтов в течение четырех месяцев: 378 долл. Компании, занимающиеся медицинским страхованием, предлагают денежную плату за похудение и иные действия, направленные на ведение здорового образа жизни¹⁴.*
- *Вы можете застраховать жизнь больного или пожилого человека, делать за него ежегодные взносы, пока этот человек жив, а затем, после его смерти, получить страховую выплату: возможно, миллионы долларов (в зависимости от суммы страхового полиса). Подобные «ставки на жизнь» чужих людей привели к созданию целой индустрии с оборотом в тридцать миллиардов долларов. Чем раньше умирает застрахованный незнакомец, тем более высокий доход получит инвестор, вложивший деньги в его страховку¹⁵.*

Мы живем в такое время, когда купить или продать можно практически все. За последние три десятилетия рынок и рыночные ценности вторглись в нашу жизнь настолько глубоко, как никогда раньше. Это не результат нашего осознанного выбора. Можно сказать, что нас просто поставили перед свершившимся фактом.

После окончания холодной войны рынок и рыночное мышление стали пользоваться непререкаемым авторитетом, что и понятно. Никакие иные механизмы организации производства и распределения товаров не были столь же успешны в части достижения богатства и процветания. И все же, в то время как все большее число стран мира брали на вооружение рыночные принципы формирования своих экономических систем, происходило и кое-что еще. Рыночные ценности стали играть все бóльшую роль в ранее нерыночных сферах жизнедеятельности общества. Рынок превращался в имперский домен. Сегодня логика купли-продажи вышла далеко за пределы функции распределения материальных благ и управляет всей нашей жизнью. Настало время спросить, действительно ли мы желаем такой жизни.

Эра рыночного триумфа

Годы, предшествовавшие финансовому кризису 2008 года, были ярким периодом торжества и дерегулирования рынка — эрой рыночного триумфа. Эта эра началась в начале 1980-х годов, когда Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер провозгласили, что именно рынок, а не правительства, способен указать путь к процветанию и свободе. Политика рыночного либерализма была продолжена в 1990-х годах Биллом Клинтонем и Тони Блэром, которые, хотя и с некоторой степенью умеренности, все же продолжали содействовать укреплению веры в то, что именно рынок является основным средством достижения общественного благополучия.

Сегодня истинное положение дел представляется нам уже не столь однозначным. Эра рыночного триумфа подходит к своему завершению. Финансовый кризис не только поставил под сомнение способность рынка эффективно нивелировать экономические риски, но и вызвал широко распространившееся ощущение того, что рыночные отноше-

ния вышли далеко за пределы существовавших доселе нравственных норм и что мы должны каким-то образом восстановить нарушенные границы. При этом вовсе не очевидно, каким именно образом мы должны это сделать.

Некоторые считают, что основным аморальным источником рыночного триумфа стала жадность, которая и привела участников рынка к принятию безответственных рисков. С этой точки зрения решение проблемы, требующей установления моральных ограничений для рынка, состоит в том, чтобы обуздать алчность, настоять на повышении ответственности банкиров и управляющих с Уолл-стрит за свои действия, принять разумные «правила игры», которые предотвратят возникновение подобных кризисов в будущем.

Однако этот рецепт, в лучшем случае, лишь отчасти способен вылечить заболевание, поразившее наше общество. Конечно, жадность сыграла важную роль в развитии финансового кризиса, однако главной угрозой представляет нечто большее. Роковые изменения, произошедшие в последние три десятилетия, не объяснимы одной жадностью. Проблема заключается в распространении рыночных отношений и рыночных ценностей на те сферы общественной жизни, где им явно не место.

Чтобы противостоять этому вторжению, недостаточно просто выступить с порицанием алчности; мы должны переосмыслить ту роль, которая отводится рынку в жизни нашего общества. Необходима общественная дискуссия о том, что означает «поставить рынок на место», удержать его в отведенных ему рамках. Для того чтобы такая дискуссия стала возможной, мы должны подумать о моральных ограничениях для рынка, спросить, существуют ли вещи, которые нельзя покупать за деньги.

Одним из наиболее значимых признаков нашего времени стало вторжение рыночных отношений и рыночного мышления в те сферы общественной жизни, которые традиционно регулировались нерыночными нормами.

Взять хотя бы распространившуюся практику передачи функций обеспечения безопасности в школах, больницах и тюрьмах частным военизированным компаниям. Более того, на аутсорсинг сегодня

передано даже ведение боевых действий (в Ираке и Афганистане число воюющих контрактников, нанятых частными фирмами, на деле превосходит численность размещенных в этих горячих точках американских регулярных войск¹⁶).

Частные охранные фирмы постепенно подменяют собой полицию — это особенно заметно в Соединенных Штатах и Великобритании, где число частных охранников уже более чем вдвое превосходит численность государственных полицейских подразделений¹⁷.

Сюда же относится и агрессивная маркетинговая политика фармацевтических компаний, направленная на потребителей в богатых странах. (Если вы обратите внимание на телевизионную рекламу в вечерних новостях, транслируемую в Соединенных Штатах, вы можете подумать, что наибольшую опасность для здоровья людей во всем мире представляют не малярия, онхоцеркоз («речная слепота») или сонная болезнь, а безудержная эпидемия эректильной дисфункции.

Вспомните и о таких фактах, как проникновение коммерческой рекламы в государственные учебные заведения, продажа прав на присвоение имен паркам и иным общественным объектам. Вспомните о рекламе «сконструированных» куриных яиц*, продаже спермы и яйцеклеток для искусственного оплодотворения; передаче беременности на аутсорсинг суррогатным матерям из развивающихся стран; покупке и продаже компаниями и государствами прав на загрязнение окружающей среды. Вспомните о системе финансирования избирательных кампаний, которая становится все больше похожей на выдачу разрешений на покупку и продажу голосов избирателей.

Факты проникновения рыночных отношений в сферы здравоохранения, образования, общественной и национальной безопасности, правосудия, защиты окружающей среды, отдыха, деторождения, в иные социально важные области еще тридцать лет назад считались бы, по большей части, неслыханным покушением на общегражданские ценности. Сегодня мы, как правило, воспринимаем такое вторжение как нечто само собой разумеющееся.

* Куриные яйца, состав которых изменен в сторону насыщения витаминами и снижения уровня холестерина. *Прим. перев.*

Все на продажу

Что же плохого в том, что мы движемся к обществу, в котором все идет на продажу?

Для беспокойства есть две причины: первая связана с нарушением принципа равноправия, вторая — с моральным разложением. Что касается обеспечения равноправия, то в обществе, где все продается, значительно усложняется жизнь людей со скромными доходами. Чем больше вещей становится возможным приобрести за деньги, тем большее значение приобретает наличие богатства (как и его отсутствие).

Если бы единственным преимуществом богатства было наличие возможности приобретать яхты, спортивные автомобили, фантастические туры, неравенство в уровне доходов не имело бы слишком большого значения. Но поскольку деньги теперь позволяют приобретать все новые и новые блага — политическое влияние, более качественное медицинское обслуживание, жилье в безопасном, а не криминогенном районе, возможность обучения в элитных школах — расслоение общества по уровню доходов и богатства становится все более и более заметным. В мире, где все хорошее можно купить или продать, наличие или отсутствие денег устанавливают и различия в правах.

Это объясняет, почему в последние несколько десятилетий в наибольшей степени ухудшилось положение семей с низким и средним уровнем дохода. Мало того, что увеличился разрыв между богатыми и бедными, превращение в товар всего и вся обострило «жало» нехватки денег, повысив их значимость.

Описать вторую причину нашего беспокойства по поводу рыночного засилья гораздо сложнее. В данном случае речь идет не о нарушении равноправия и социальной справедливости, а о коррозионных свойствах рынка. Установление цены на общественные блага может привести к их ухудшению. Причиной тому служит способность рынка не только распределять товары, но и формировать определенное отношение общества к ним. Если вы платите детям за чтение книг, это, конечно, может заставить их читать больше, но одновременно такой подход заставляет их относиться к чтению как к работе, а не как к способу удовлетворения собственных потребностей. Продажа с аукциона

мест в колледже способствует повышению дохода учебного заведения, но при этом подрывает его репутацию и снижает ценность его диплома. Привлечение иностранных наемников для борьбы с нашими внешними врагами помогает сохранить жизни американских граждан, но при этом разрушает сам смысл гражданства.

Экономисты часто утверждают, что рынки инертны и не оказывают влияния на те товары, торговлю которыми они организуют. Однако это не соответствует действительности. Рынок оставляет свою печать на всем, к чему он прикасается. В некоторых случаях рыночная стоимость вытесняет заключенную в товаре нерыночную ценность.

Конечно, мнения людей о тех или иных ценностях расходятся. Для того чтобы решить, что можно и что нельзя покупать и продавать за деньги, мы должны прежде определить основные ценности в различных областях социальной и общественной жизни. Полагаю, что это и является главной темой данной книги.

Мой предварительный ответ, который я намерен предложить читателю, основывается на следующем: придя к ситуации, когда определенные вещи могут покупаться и продаваться, мы решили, по крайней мере неявно, что было бы целесообразно рассматривать их в качестве товаров, инструментов, приносящих определенную выгоду. Однако не все может быть оценено с этих позиций¹⁸. Наиболее очевидным примером этого является сам человек. Рабство было ужасным явлением в нашей истории, поскольку оно позволяло рассматривать человека в качестве товара, который покупается и продается на аукционах. Такой подход не позволяет оценить человека должным образом — как личность, требующую уважения и имеющую чувство собственного достоинства, а не как инструмент, полезный в хозяйстве.

Примерно то же самое можно сказать и о других важных для нас объектах и понятиях. Так, мы, например, не допускаем торговлю детьми. Даже если покупатели будут хорошо обращаться с приобретенными ими детьми, сам факт такой продажи будет способствовать продвижению недопустимого способа определения ценности ребенка. Дети должны рассматриваться не как товар, имеющий некие потребительские качества, а как живые существа, достойные любви и заботы. Или рассмотрим гражданские права и обязанности. Если вас пригласили

в качестве присяжного заседателя, вы не можете нанять кого-то себе на замену. Мы не позволяем гражданам продавать свои избирательные права, несмотря на то, что есть те, кто готов был бы их купить. Почему? Потому что считаем, что гражданские обязанности не должны рассматриваться в качестве частной собственности, которой гражданин может распорядиться по своему усмотрению, это элемент личной ответственности гражданина перед обществом. Передача кому бы то ни было гражданских обязанностей ведет к неправильной их оценке и принижению степени гражданской ответственности в целом.

Приведенные выше примеры иллюстрируют тезис: некоторые полезные для жизни вещи, превратившись в товар, становились хуже или теряли при этом свою ценность. Таким образом, чтобы решить, в каких областях рынок должен присутствовать, а от каких его следует держать на расстоянии, мы должны выработать подходы к определению ценности благ в таких областях, как здравоохранение, образование, семья, природа, искусство, гражданские обязанности и т. п. Эти вопросы должны рассматриваться не только в экономическом, но и в моральном и политическом аспектах.

Сделать это можно посредством общественной дискуссии для каждого конкретного случая, применяя как соответствующие способы оценки рассматриваемых благ, так и их нравственный смысл.

В эпоху рыночного триумфа попыток проведения подобных дискуссий не предпринималось. В результате мы, не вполне осознавая происходящее и не принимая никаких конкретных решений, постепенно дрейфовали от состояния, когда мы *имели* рыночную экономику, в состояние, когда мы *стали* рыночным обществом.

Разница заключается в следующем: рыночная экономика представляет собой инструмент — ценный и эффективный инструмент — для организации производственной деятельности. Рыночное общество — это такая организация жизнедеятельности, при которой рыночные щупальца проникают в каждый аспект нашей жизни. Общественные отношения в этом случае приобретают рыночный облик.

Для современной политики важно обсуждение роли рынка и необходимых ограничителей расширения его присутствия. Хотим ли мы иметь рыночную экономику или быть рыночным обществом? Какую

роль должен играть рынок в общественной жизни и в межличностных отношениях? Каким образом мы можем решить, какие именно продукты и блага могут участвовать в коммерческом обороте и как следует управлять нерыночными ценностями? В каких случаях деньги не должны иметь решающего значения?

На поиск ответов на эти вопросы направлена данная книга. Поскольку сама тема, что является благом для жизни и общества, достаточно дискуссионная, я не могу обещать вам, что у меня есть однозначные ответы на все поставленные вопросы. Но надеюсь, что приведенные здесь выводы смогут, по крайней мере, способствовать публичному обсуждению этих проблем и послужат философской основой для их разрешения в будущем.

Переосмысление роли рынка

Даже если вы согласны с тем, что вопрос о нравственности рынка является серьезным и требующим своего разрешения, вы можете сомневаться в способности сделать это посредством общественного обсуждения. Такие сомнения обоснованны. Любая попытка переосмыслить роль рынка в нашей жизни должна начинаться с признания наличия двух серьезных препятствий.

Одним из них является превосходство и авторитет рыночного мышления, сохраняющийся несмотря на жесточайшие рыночные кризисы последних восьми десятилетий. Другим препятствием является озлобленность и бессодержательность общественного дискурса. Причем оба этих препятствия некоторым образом связаны между собой.

Наличие первого препятствия вызывает недоумение. В свое время финансовый кризис 2008 года был широко воспринят как моральный приговор некритическому отношению к повсеместному засилью рынка, продолжавшемуся в последние тридцать лет при поддержке представителей всего политического спектра. Крах некогда могущественных финансовых компаний Уолл-стрит и потребность в массированных денежных вливаниях для их спасения за счет налогоплательщиков, казалось, обязательно должны были привести к пересмотру обществом своего отношения к рынку. Даже Алан Гринспен, который, будучи

председателем Федеральной резервной системы США, служил «верховным жрецом» веры в рыночный триумф, признался, что находится в «состоянии потрясения и недоверия» и его уверенность в способность свободного рынка к саморегулированию оказалась ошибочной¹⁹. На обложке *The Economist*, явно прорыночного британского журнала, под заголовком, вопрошающим, что случилось с экономической системой, было опубликовано изображение учебника по экономике, плавающего в луже²⁰.

Эра рыночного триумфа подошла к своему разрушительному концу. И, казалось бы, для рынка настало самое время, чтобы понести моральную ответственность за содеянное, время для трезвого размышления о доверии к рыночным принципам. Но на деле все оказалось совсем иначе.

Впечатляющее падение финансового рынка не привело к ослаблению доверия к рынку в целом. На самом деле финансовый кризис дискредитировал в большей степени правительства, нежели банки. Исследования, проведенные в 2011 году, показали, что представители американской общественности с более чем двукратным перевесом голосов считают главным виновником вставших перед страной экономических проблем федеральное правительство, а не финансовые институты Уолл-стрит²¹.

Финансовый кризис погрузил Соединенные Штаты и большую часть мировой экономики в самую серьезную экономическую рецессию со времен Великой депрессии, оставил без работы миллионы людей. Тем не менее даже это не способствовало фундаментальному переосмыслению роли рынка. Вместо этого наиболее заметным политическим последствием кризиса в Соединенных Штатах стал подъем движения под названием «Чайная партия»*, чья враждебность по отношению к правительству и удушающим объятиям свободного рынка заставили бы Рональда Рейгана густо краснеть. Осенью 2011 года движение «Оккупируй Уолл-стрит» провело протестные акции в городах на территории Соединенных Штатов и по всему миру. Эти протесты

* Политическое движение в США, возникшее в 2009 г., направленное против реформ, объявленных правительством с целью ликвидации последствий экономического кризиса. *Прим. перев.*

были направлены против крупных банков и корпораций, а также увеличения степени неравенства доходов. Несмотря на имеющиеся идеологические различия, и представители «Чайной партии», и активисты «Оккупируй Уолл-стрит» озвучивали широко распространенное недовольство граждан действиями правительств, направленными на спасение финансовых институтов²².

Однако несмотря на эти голоса протеста, серьезная дискуссия о роли рынка и необходимости ограничения масштабов его распространения практически не имеет места в нашей политической жизни. Демократы и республиканцы, как и на протяжении многих лет до этого, продолжают спорить о налогах, расходах и дефиците бюджета. Разве что теперь они делают это с более заметным акцентом на свою партийную принадлежность и с все меньшей способностью вдохновлять и убеждать своих слушателей. Разочарование же граждан вызывает рост недоверия к политической системе в целом, она в их глазах демонстрирует свою неспособность работать на благо общества или решать наиболее важные для него вопросы.

Это опасное состояние общественного дискурса является вторым препятствием для содержательных дискуссий о моральных ограничениях для рынка. Пока вся политическая аргументация сводится к выкрикиванию популярных лозунгов участниками различных программ кабельного телевидения, «партизанскому» сарказму в ток-шоу на радио, к идеологическим схваткам в зале Конгресса, трудно представить возможность конструктивного общественного обсуждения спорных вопросов морали и поиска правильного способа оценки столь важных жизненных благ, как деторождение, образование, здравоохранение, окружающая среда, гражданство и т. п. И тем не менее я считаю такую дискуссию возможной и необходимой для активизации нашей общественной жизни.

Некоторые видят в наших злобных политиках избыток моральной убежденности: очень многие из них слишком кичатся своей верой и излишне крикливы в попытках навязать собственные убеждения всем остальным. Я думаю, что в нашем затруднительном положении это создает лишь дополнительные препятствия. Проблема наших политиков состоит как раз в недостатке моральных аргументов. Наша

политика перенасыщена пустыми фразами, не имеющими морального и духовного содержания. Она не может заниматься решением серьезных вопросов, по-настоящему волнующих людей.

Моральная недостаточность современной политики имеет ряд источников. Одним из них является попытка изгнать из общественного дискурса представления о критериях благополучной жизни. В надежде избежать межрелигиозной розни, мы часто заявляем о том, что граждане оставляют свои моральные и духовные убеждения, когда выходят на городские площади. Но, несмотря на благие намерения, нежелание допустить политическое обсуждение критериев, делающих нашу жизнь благополучной, только способствует подготовке почвы для триумфа рынка и рыночных представлений.

Рыночные убеждения, в свою очередь, также вымывают из общественной жизни моральные аргументы. Одной из привлекательных черт рынка является то, что он не рассуждает о предпочтениях, он их удовлетворяет. Он не ищет более точных способов оценки стоимости тех или иных благ. Тот, кто готов купить ребенка и кого устраивает его пол и характер, задает продающему лишь один исключительно экономический вопрос: «Сколько стоит?» Рынку чужды сомнения. Он не делает различий между желаниями и принципами. Каждая сторона сделки сама, на основе собственных представлений, делает вывод о ценности предмета торга.

Такое не осуждаемое отношение к определению ценности лежит в основе рыночного мышления и во многом объясняет его привлекательность. Но наше нежелание приводить моральные и духовные аргументы против привлекательных сторон рынка вкупе с нашей погруженностью в рынок обходится очень дорого: общественность лишается моральной, гражданской энергии и вносит свой вклад в усиление господства технократической, административной политики, поражающей многие современные общества.

Дискуссия о моральных ограничениях для рынка позволила бы нам, обществу, решить, в каких сферах рынок служит общественному благу, а где его присутствие является недопустимым. Оздоровить нашу политику позволил бы и возврат конкурирующих представлений о критериях благополучия. Что, как не это, позволяет находить

аргументы для обсуждения? Если вы согласны с тем, что купля-продажа определенных товаров и благ ведет к разращению и/или ухудшению, вы должны согласиться и с тем, что существуют иные, более подходящие, нерыночные способы определения ценности этих товаров и благ.

Моральные принципы лежат в основе некоторых все еще продолжающих работать рыночных ограничителей. Мы не позволяем родителям продавать своих детей, а избирателям свои голоса. И одна из причин этих запретов, честно говоря, субъективна: мы полагаем, что продажа этих вещей приведет к их неправильной оценке и к появлению у людей нежелательных психологических установок.

Размышление об установлении моральных ограничений для рынка вызывает неизбежные вопросы. Оно требует публичных аргументов в пользу тех или иных подходов к оценке используемых нами социальных благ. Было бы глупо ожидать, что общественная дискуссия, связанная с понятием морали, приведет к достижению общего согласия по каждому из обсуждаемых вопросов. Однако сам факт такой дискуссии стал бы шагом на пути к оздоровлению общественной жизни. Кроме того, она дала бы нам более полное представление о той цене, которую мы платим за жизнь в обществе, где все продается и покупается.

Задумываясь о нравственности рынка, мы прежде всего вспоминаем о безрассудных проступках банкиров Уолл-стрит и хедж-фондов, о правительственных финансовых вливаниях и реформе финансового регулирования. Но моральные и политические вызовы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, более приближены к нашей повседневной жизни. Они требуют переосмысления роли рынка и степени его присутствия в наших социальных и человеческих взаимоотношениях.